

О ПОНЯТИИ “ОСНОВНОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД” И ЕГО ОТНОШЕНИИ К “ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМУ МИНИМУМУ”

(на материале белорусского и русского языков)

Экспериментальные методы изучения количественного и качественного состава и других лингвистически значимых характеристик паремиологического состава языка были теоретически разработаны и воплощены на практике в рамках структурной паремиологии. Наибольшую известность получил “паремиологический эксперимент” Г.Л. Пермякова, в результате которого выяснилось, что максимальный объем наиболее употребимых паремий не превышает 500 [11, с. 154–166], а минимальное количество общеизвестных русских паремий составляет около 300 единиц [10].

Известно, что “паремиологический эксперимент” содержал в себе существенные погрешности и ошибки, которые не позволяют считать его результаты объективными. Так, степень общеизвестности и распространенности пословиц, входящих в “паремиологический минимум” Г.Л. Пермякова, значима только, как справедливо заметил А. Крикман, для “данного региона России” [6, с. 340], и только в отношении той группы носителей языка, которые были избраны информантами. Это легко иллюстрируется примерами общеизвестных русских пословиц, которым не нашлось места в составе “паремиологического минимума”, ср.: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Пар костей не ломит; Хороша Маша, да не наша* и т. п. В то же время в состав единиц “паремиологического минимума” вошел ряд сомнительных в отношении своей известности каждому русскому человеку паремиологических единиц, ср.: *<Во всём> виноват стрелочник; Из искры – пламя; Нет розы без шипов* (или *Розы без шипов не бывает*) и т. п.

В связи с определением паремиологического минимума возникает вопрос о его соотношении со всем корпусом паремиологических единиц. Со-

гласно мнения Г.Л. Пермякова, “в паремиологическом минимуме должны быть представлены все основные особенности (закономерности) пословичного фонда в целом. Он должен содержать все типы паремий (с тем, чтобы правильно и равномерно отразить все их смысловые функции) и все возможные типы грамматических (лексико-синтаксических) конструкций”. И далее: “паремиологический минимум какого-либо языка (народа) – это в миниатюре (сокращении до возможного минимума) весь паремиологический фонд данного языка (или народа). Он обладает всеми (или почти всеми) основными особенностями всего паремиологического фонда, т.е. имеет основной набор его реалий, полный набор его логических конструкций и набор его лингвистических образцов разных типов. По паремиологическому минимуму можно изучать все основные свойства паремиологического фонда данного языка (или народа) вообще” [11, с. 212–213].

Универсализация качеств “паремиологического минимума” не была доказана Г.Л. Пермяковым на надежном эмпирическом материале, что, однако, не лишает ее очевидных и весьма существенных противоречий. В частности, “паремиологический минимум” может и не отражать все возможные структурные и семантические типы паремий в данном языке, поскольку, во-первых, качественно ограничен только языковым материалом, содержательно актуальным в тот или иной период развития языка, а во-вторых, во многом детерминирован экстралингвистическими факторами (культурными приоритетами эпохи, разнообразными социальными и демографическими катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм в обществе и т. п.). Уже поэтому “паремиологический минимум” объективно не может, вопреки мнению Г.Л. Пермякова, “иметь основной набор реалий всего паремиологического фонда данного языка”.

Употребительность и эпистемологическая актуальность единиц паремиологического минимума ограничивается только тем или иным периодом исторического развития языка. Поэтому “паремиологический эксперимент” и его результаты соответствуют только одному из возможных подходов к изучению языковой системы – синхроническому. Если же проанализировать корпус пословиц в диахронической точке зрения, то можно выделить определенное количество паремий, значение и лексико-грамматический состав которых не изменялся на протяжении многих столетий и которые активно употребляются теперешними носителями языка.

Так, в современном толковом словаре русских пословиц (1991) В.П. Жукова [2] и в первом из известных рукописных сборников русских паремий XVII века “Повѣсти, или Пословицы всенароднѣйшыя по алфавиту” [12], ср.: *Ворон ворону глаз не выклюет – Воронъ воронѣ глаза не выклюнетъ* (405 – здесь и далее согласно принятой в сборнике нумерации); *Где тонко, там и рвется* і *Гдѣ тонко тамъ и рвется* (577); *Дураков не орут, не сеют, а сами рождаются* або *Дураков не сеют, не жнут, сами рождаются – Дураковъ ни сѣютъ ни жнутъ* сами рождаются (666); *Куда*

иголка, туда и нитка – Куды иголка туды и нитка (1270); Насильно мил не будешь або Силой милому не быть – Насилу милу не быть (1716); Пьяному <и> море по колена (по колена) – Пьяному и море по калѣна (1896); С чужого коня среди грязи долой – С чужова коня сере^а грязи долон (2130); Утро вечера мудренее – Утро вечера мудренѣе (2315); Чему быть, того (тому) не миновать – Чему быть того не минуць (2606); Шила (шило) в мешке не утаишь – Шила в мѣху не ўтаить (2648) и т. п.

В толковом словаре белорусских пословиц (2002) И.Я. Лепешева и М.А. Яколцевич [7] зафиксировано множество паремий, которые встречаются и в первом печатном сборнике славянских пословиц “*Proverbiorum polonicorum*” (1618) С. Рысиньского [20] среди общих для белорусского и польского языков паремиологических единиц, ср.: *Ад прыбытку галава не балиць – Z przybytku głowa nie boli* (cnt. 18, № 16 – здесь и далее согласно принятой в сборнике нумерации); *Ахвота горш за няволю – Ochota gorsza niż niewola* (cnt. 12, № 36 [a]); *Бог тройцу любіць – Bóg trójcę lubi* (cnt. 1, № 49); *Госць у дом, бог у дом – Gość w dom, Bóg w dom* (cnt. 4, № 34); *Дай Божа ў добры час сказаць, а ў ліхі (нядобры) пачаўцаць – Daj Boże w dobry czas mówić, a we zły milczeć* (cnt. 3, № 10); *Добрае далёка чуваць, а дрэннае яшчэ далей – Dobrze daleko slychać, a źle jeszcze dalej* (cnt. 2, № 90); *На злодзеі шанка гарыць – Na złodzieju czapka gore* (cnt. 11, № 33); *На каго Бог, на таго і людзі – Na kogo Bóg, na tego i ludzie* (cnt. 10, № 25); *Хто апарыцца на малацэ, той і на ваду дзьмухае – Kto się na mleku sparzy, ten na wodę dmucha* (cnt. 5, № 41); *Чым далей у лес, тым болей дроў – Im dalej w las, tym więcej drew* (cnt. 4, № 62); *Што галава, то розум – Co głowa, to rozum* (cnt. 2, № 16); *Што край, то абычай – Co kraj, to obyczaj* (cnt. 1, № 91) и т. д. (пословицы из сборника С. Рысиньского приводятся здесь в отношении их графики и орфографии так, как они даются в издании “*Nowa księga przysłów polskich*” (1969–1978) [19]).

Совокупность таких пословиц можно определить как “основной паремиологический фонд” языка – множество единиц, которые являются наиболее употребимыми, а это значит и эпистемологически актуальными для носителей языка на протяжении долгого времени его функционирования и по сегодняшний день. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд, таким образом, противопоставляются друг другу на основании глобальной антиномии двух планов анализа языковой системы – диахронического и синхронического, ср. [3].

Категориальным признаком единиц “основного паремиологического фонда” следует считать их устойчивость во времени, поэтому главным критерием включения той или иной пословицы в состав “основного паремиологического фонда” будет являться ее фиксация как в наиболее ранних паремиологических собраниях, так и в современных паремиологических справочниках. Так, например, в словаре русских пословиц (1991) В.П. Жукова [2] и в сборнике русских паремий XVII века [12] совпадает свыше 200 единиц. В современных словарях белорусских пословиц [7; 17] и сборнике

“*Proverbiolum polonicorum*” (1618) С.Рысиньского [20] совпадает около 120 единиц (без учета их вариантов).

При выделении “основного паремиологического фонда” возникают две серьезные проблемы. Первая из них связана с ограничением встречаемости той или иной паремии в новейших источниках (не ранее второй половины XX века). Отсутствие фиксации той или иной паремии может свидетельствовать как о ее выходе из употребления вообще, так и о ее выходе лишь из активного состава паремиологических единиц языка (полностью либо только из его литературной формы) на данном этапе его исторического развития. Поэтому “основной паремиологический фонд” языка целесообразно описывать в виде полевой структуры, которая в диахронической перспективе имеет ядро и периферию. Основными источниками языкового материала при определении ядра “основного паремиологического фонда” могут быть только те собрания пословиц, которые являются наиболее репрезентативными как по количеству, так и по принципам отбора единиц, и достоверно отражают состояние языка в разные периоды его истории.

Вторая проблема связана с наличием большого числа различных структурных модификаций одной и той же паремии в разные исторические периоды развития языка.

Так, в русском языке ср.: *Без соли, без хлеба худая беседа* (словарь В.П. Жукова [2]) – *Бе³ обѣда не красна беседа или Беседа бе³ хаѣба ни пригожа ни ѹгожа* (сборник XVII века [20]); *Горбатого <одна> могила исправит* (словарь В.П. Жукова [2]) – *Горбатаго гро^б исправляетъ* (сборник XVII века [20]); *Горбатаго исправитъ могила, а упрямаго дубина* (сборники И. Снегирева [16] и В.И. Даля [1, т. 1, с. 244]); *Друзья познаются в беде* (словарь В.П. Жукова [2]) – *Другъ вѣренъ в напастехъ по³навае^тся* (сборник XVII века [20]), *Другъ познается къ нещастіи* или *Другъ познавается при рати, да при бѣдѣ* (сборник И. Снегирева [16]); *Запас кармана (мешка) не трет (не дерет)* (словарь В.П. Жукова [2]) – *Запасъ мешка не портитъ* (сборник XVII века [20]), *Запасъ бѣды не чинитъ* или *Запасъ мѣшку не порча* или *Запасъ человека не портитъ* (сборник И. Снегирева [16]); *Запас мешка не дерет* (сборник В.И. Даля [1, т. 2, с. 4]); *Не велик голик, а бане и он царь* (словарь В.П. Жукова [2]) – *Вѣнникъ в мы^не всѣмъ господинъ* (сборник XVII века [20]), *Веник в бане всем господин* (сборник В.И. Даля [1, т. 1, с. 193]); *Против рожна не попрешь* (словарь В.П. Жукова [2]) – *Истинно не ложно проти^в рожну прат^ь не во³можно* (сборник XVII века [20]), *Трудно противъ рожна прать* (сборники И. Снегирева [16] и В.И. Даля [1, т. 2, с. 270]) и т. п.

В белорусском языке ср.: *Грэх у мех, а спасенне наверх* (сборник И.И. Носовича [9, с. 29]) = *Грэх у мех, а сам наверх* (сборник Е.А. Ляцкого [8, с. 8]) = *Грэх у мех, кіем па мяху - будзеш без граху* (сборник Е.Н. Рапановича [14, с. 64]) = *Грэх скласці ў мех або Грахі ў мех, а кіем па баку або Грэх у мех, калом па мяху - няма граху або Грэх у мех, калом па баку - вот і па граху* (сборник Е. Гринблата [13, т. 2, с. 171]) = *Грэх у мех, грашаняты ў*

торбу (словарь И.Я. Лепешева и М.А. Яколцевич [7, с. 108]). Или: *Зажывецъ, пакуль жэніцца* (сборник И.И. Носовича [9, с. 45]) = *Пакуль жэніцца – загаіцца* (сборники Е. Романова [15, с. 309] и Е.А. Ляцкого [8, с. 32]) = *Да вяселля загаіцца або Пукі вяселле скоіцца, то гэта загаіцца* (сборник М. Федеровского [18, с. 347]) = *Пакуль жэніцца – загаіцца, а ўміраць, то і не знаць* або *Пакуль жэніцца – загаіцца, пакуль шлюб браць – нічога не знаць* (сборник Е. Гринблата [13, т. 2, с. 219]) = *Пакуль жэніцца – загаіцца* (словарь И.Я. Лепешева и М.А. Яколцевич [7, с. 307]) и т. п. (белорусские пословицы из сборников XIX века приводятся здесь в отношении их графики и орфографии так, как они даются в издании [7]).

Структурные модификации одной и той паремии в ее филогенезе следует квалифицировать как диахроническую парадигму при условии неизменности семантики данной единицы на всем протяжении исторического развития языка. Лексико-грамматическая форма пословицы может изменяться, но не достигая того предела, когда нарушается симметрия плана выражения и плана содержания. В противном случае мы имеем дело либо с перефразированной пословицей, не синонимичной исходной паремии, либо вообще с двумя генетически разными единицами.

Таким образом, то множество пословиц, которые функционируют в русском языке на протяжении как минимум последних трех столетий (свыше 200 единиц, совпадающих в словаре В.П. Жукова [2] и первом рукописном сборнике русских паремий XVII века [12]) можно рассматривать в качестве ядра “основного паремиологического фонда” русского языка. Соответственно, то множество пословиц, которые функционируют в белорусском языке на протяжении как минимум последних четырех столетий (около 120 единиц совпадающих в словаре И.Я. Лепешева и М.А. Яколцевич [7] и в первом печатном сборнике славянских паремий С. Рысиньского [20]) можно рассматривать в качестве ядра “основного паремиологического фонда” белорусского языка.

Составы “основного паремиологического фонда” языка и “паремиологического минимума” не совпадают. Так, в составе “паремиологического минимума” Г.Л. Пермякова и ядра “основного паремиологического фонда” русского языка насчитывается только около 80 совпадений. Если исключить устаревшие пословицы (около 15 единиц), то число паремий, не претерпевших за последние три столетия структурных изменений, однако не включенных Г.Л. Пермяковым в паремиологический минимум, составит 113 единиц. Среди них немало таких, общеизвестность которых на современном этапе развития русского языка не вызывает сомнений, ср.: *Ворон ворону глаз не выклюет; Долгие проводы – лишние слезы; Дураков не сеют, не жнут, сами рождаются; Запас кармана не тянет; Не зная броду, не суйся в воду; Пар костей не ломит; По Сеньке и шапка; Седина в бороду (в голову). бес в ребро; Собака лает, ветер носит* и т. п.

На примере сравнения наиболее употребимых русских пословиц в синхронии и в диахронии, а также диахронического анализа наиболее известных пословиц белорусского языка, можно утверждать следующее.

1. “Основной паремиологический фонд” языка является такой же лингвистической реальностью, как и “паремиологический минимум”.

2. Наиболее употребимые русские пословицы не совпадают в синхронии и в диахронии ни качественно, ни количественно.

3. Только состав “основного паремиологического фонда” в силу своей безусловной объективности может и должен (вопреки мнению Г.Л. Пермякова) содержать “основной набор реалий всего паремиологического фонда данного языка”.

Наиболее актуальным в связи с этим в современной паремиологии видится не столько бесконечное уточнение способов определения “паремиологического минимума” и его квантитативных параметров, сколько разработка принципов и методики выделения и описания “основного паремиологического фонда” для каждого языка (ср., например [4; 5]), что представляется исключительно значимым для квалификации паремиологических единиц как части языковой системы, а также сравнительно-исторического и типологического изучения паремий различных языков мира.

Литература

1. Даль В.И. Пословицы русского народа [1861–1862]: В 2 т. – М., 1984.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 1991.
3. Иванов Е.Е. О “паремиологическом минимуме” и “основном паремиологическом фонде” русского языка // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich*. – Białystok, 2002. – Т. VIII. – С. 87–94.
4. Иванов Е.Е. “Основной паремиологический фонд” русского языка и его соотношение с “паремиологическим минимумом” // *Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ (Варна, Болгария, 17–23 сентября 2007 г.): В 7 т.* – София: Heron Press, 2007. – Т. 2. – С. 152–156.
5. Иваноў Я.Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // *Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Сер. 4.* – 2006. – № 3. – С. 103–109.
6. Крикман А. Паремеиологические эксперименты Г.Л. Пермякова // *Малые формы фольклора: Сб. статей памяти Г.Л. Пермякова.* – М., 1995. – С. 338–382.
7. Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак [1996]. – Мн., 2002.
8. Ляцкіі Е.А. Матэрыялы для изучэння творчэства і быта бѣлоруссоў (пословицы, поговорки, загадки). – М., 1898. – (Чтенія в Обществе Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кн. 3).
9. Носовичъ И.И. Сборникъ бѣлорусскихъ пословиць. – СПб.. 1874. – (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. XII. № 2).
10. Пермяков Г.Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок = 300 общоупотребителни руски пословици и поговорки: Для говорящих на болгарском языке. – М. – София, 1986.
11. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М., 1988.
12. Повѣсти, или Пословицы всенароднѣйшыя по алфавиту // *Старинные сборники русскихъ пословиць, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII–XIX столѣтій / Собрали и приготовили къ печати П. Симои.* – СПб.. 1899. – Вып. 1 (I–II). – С. 73–162.
13. Прыказкі і прымаўкі: У 2 кн. / Склад. М.Я. Грынблат – Мн., 1976.